

К 556/41

№ 4 ФЕВРАЛЬ МОСКВА 1941

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

ГОД ИЗДАНИЯ XX

ЦЕНА НОМЕРА 60 КОП.

К Р О К О Д И Л

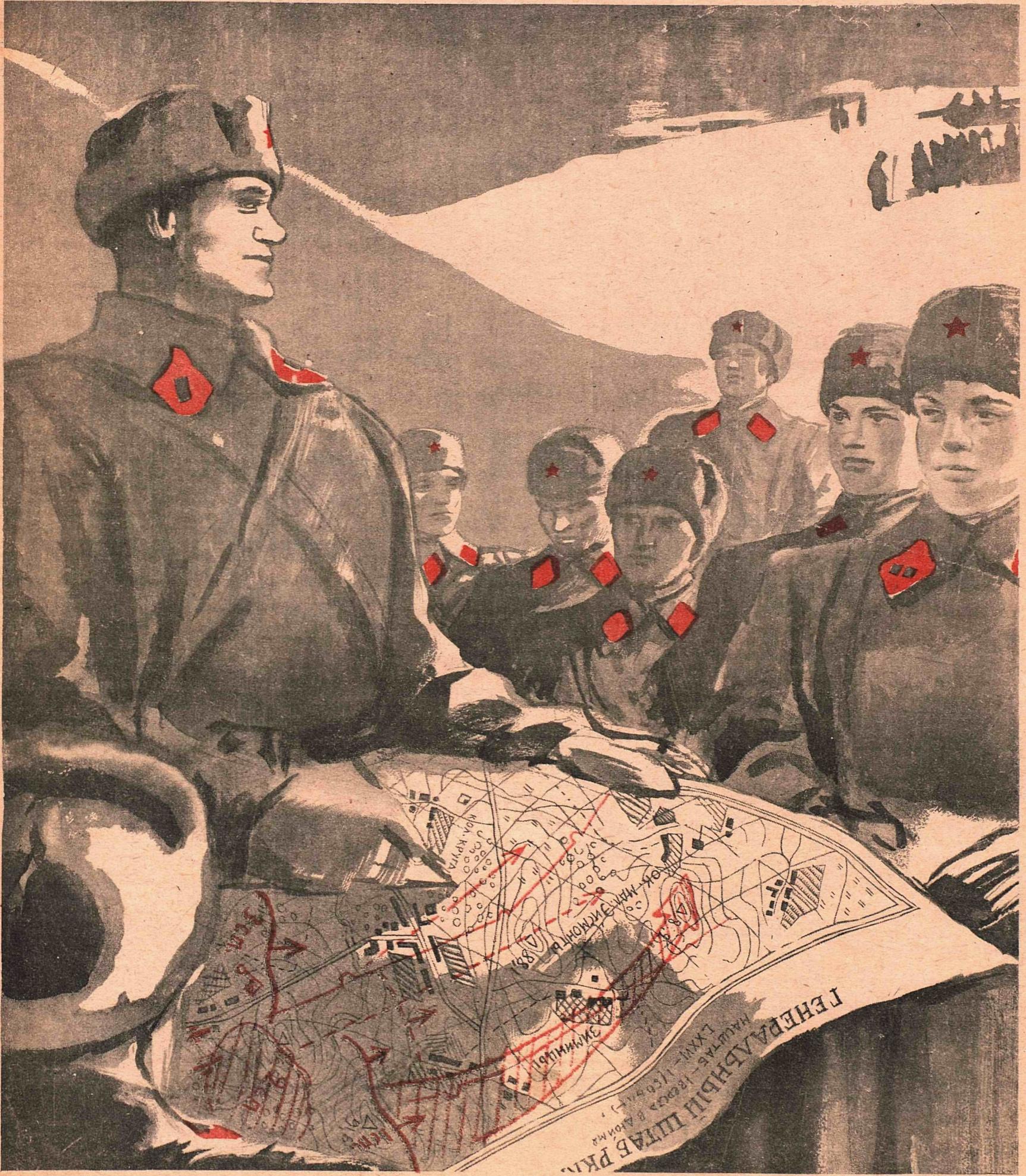

Рис. И Семенова

— Товарищи, в настоящее время думайте о будущем противнике, потому что в будущее время перед нами будет настоящий противник.

Рис. К. Елисева

— Обидно, свои же ребята, а ров как против настоящего противника вырыли.

Два друга

Два парня девушку любили,
И каждый ей цветы дарил...
Сердечными друзьями были
И Николай и Михаил.

Два парня девушку любили
И были нежны потому...
Когда ж на финский фронт отбыли,
Они прислали по письму.

Один писал ей:
«Здесь природа злая...
Гранит и лед... Седые небеса...
Но не про то... Про подвиг Николая
Тебе писать я нынче собрался...»

Свое звено на штурм лавиной двинув,
Сравнял с землей он доты белофиннов.
Газеты послезавтра ты открой,
И ты прочтешь, что Николай — герой!

А о себе могу сказать два слова:
Жив и здоров я... Будь и ты здорова!..»

Другой писал:
«Природа здесь уныла,
Но не о том писать я собрался...
Хочу писать про подвиг Михаила,
Он совершает прямо чудеса..»

Он финские вылавливает мины,
И в этом деле он незаменимый.
Газеты послезавтра ты открой,
И ты прочтешь, что Михаил — герой!

А о себе могу сказать два слова:
Жив и здоров я... Будь и ты здорова!..»

И письма девушка читала
И улыбалась в снег и в тьму...
И два письма она прижала,
Два — сразу — к сердцу своему...

ОСИП КОЛЫЧЕВ

ЛЮБОЧКИНУ вручили синенькую повестку. Он показывал ее товарищам, молодецкато приговаривая:

— Давно пора! Человеку 28 лет, а ни разу в зимнем лагере не был.

В кроватном цехе, начальником которого был Леонид Борисович Любочкин, такую же синенькую повестку районного военкомата получил мастер-технолог Купава.

Леонид Борисович лихо прошелся по цеху. — Люблю военную жизнь! — сказал Любочкин мастеру Купаве. — Хорошо! Походим с тобой на лыжах, постреляем из винтовочки.

К вечеру того же дня настроение у Любочкина несколько изменилось:

— Не понимаю, о чем военкомат думал целое лето? Только год начался, а трест уже требует выполнения программы, на носу именины Тамары, на восьмое билеты на «Марию Тюдор»...

Но утром следующего дня настроение Любочкина опять изменилось — на сей раз к лучшему. Он узнал, что едет в одну часть с Купавой. Оказывается, Купава — младший лейтенант. Остается немного: попасть во взвод Купавы.

В поезде Любочкин говорил Купаве:

— Хорошо бы, Григорий, если бы я попал в твой взвод. Получилось бы так, вроде некоторой взаимности: я тебя учу на производстве, а ты меня — военному делу. Не правда ли?

* * *

Взвод выстроился перед землянкой. Любочкин уже успел осведомить всех бойцов, что командир взвода, младший лейтенант Купава, — его подчиненный на фабрике и пусть ребята не беспокоятся: в лице Любочкина они имеют верного ходатая и заступника.

На первый раз Купава назначил Любочкина наружным часовым у землянок. А в районе лагеря в тот день был небольшой морозец: этак градусов тридцать.

— Ничего! — крепился Любочкин. — Очевидно, Купава не знал, что меня назначают в такой дикий наряд.

Мороз крепчал. Любочкин стоял на часах. Он думал о «Марии Тюдор», о Тамаре, о теплой комнате. Даже о землянке он мечтал с особой нежностью... Ну и холод!

Часовой Любочкин отлучился с поста и зашел в землянку взглянуть на часы.

Утром младший лейтенант Купава произнес перед строем краткую речь:

— На первый раз бойцу товарищу Любочкину объявляется три наряда вне очереди наружным часовым. И предупреждаю: в случае повторения приму более строгие меры.

Через несколько дней Купава обнаружил у Любочкина под подушкой шерстяные носки, которым полагалось покониться на нижней полке тумбочки, и опять Любочкин был именинником перед строем.

«За что? — думал Любочкин. — Премияльные я ему вписывал. Обращался я с ним больше чем вежливо. И все же он затаил обиду и мстит. Ну ладно, вернемся на фабрику, он у меня попрыгает!»

Любочкина вызвал Купава:

— Товарищ боец, пойдите к старшине, возьмите у него клейстер и мишени номер один, направитесь на стрельбище и наклейте их. Поняли? Повторите приказание.

— Договорились! — по старой привычке лихо ответил Любочкин и направился к дверям.

— Товарищ боец Любочкин, назад! — командовал Купава. — Смирно! Повторить приказание.

— С ума сошел! — воскликнул Любочкин и, непридуманно сев на табурет, потянулся за портсигаром:

— Послушай, Григорий, мы здесь одни и поговорим по душам...

— Встать! Руки по швам, повторить приказание!

— Товарищ младший лейтенант, вы приказали пойти на стрельбище, взять клейстер и направиться к старшине и наклеить...

— Успокойтесь и повторите сначала, — приказал Купава.

— Разрешите доложить: за истекший срок подготовка шла отлично! Оружие и припасы в должном количестве и качестве! Все налицо! Больных и отстающих нет!

Пришлось исполнить. Но вместо того, чтобы идти к старшине, он направился к заместителю командира роты по политической части.

Разговор с политруком оказался на редкость кратким. Политрук сказал:

— В последний раз я слышу вашу жалобу на командира. Я заметил, что младший лейтенант Купава к вам слишком снисходителен: вы очень плохо стреляете. На этот счет лейтенант получает указание. Можете идти.

Через час Любочкин лежал на пушистом снегу. Далеко впереди виднелись фигурные мишени. Купава занимался с Любочкиным индивидуально.

— Спокойно, ровно нажимайте спусковой крючок. Меньше внимания на мишень. Не дергайте, это никогда не рекомендуется, во всех случаях жизни... Штурмовщиной ничего не добьетесь. Нужен ровный технологический процесс. Главное, не старайтесь дернуть под «яблочком», как план под конец месяца.

От ровного дыхания становилось тепло в груди, хотя здорово коченели пальцы ног, но Любочкин не дергал, иначе Купава продержит его на снегу до рассвета. Начальник цеха Любочкин потушил свое раздражение против своего мастера, заглушил начальническое самлюбие и... плавно нажимал крючок.

Как только Любочкин появился в землянке, его по обыкновению забросали ироническими просьбами:

— Товарищ Любочкин, устрой нам, пожалуйста, у Купавы отпуск в город, хотя бы дня на два, тебя же он послушает: как никак ты его начальник!

— Ладно, ладно, — огрызнулся Любочкин, — вернемся на фабрику, тогда приходите посмотреть, как я с Купавой буду проходить курс обучения по его же методу...

И свое слово начальник цеха, Любочкин Леонид Борисович, сдержал. Теперь командовал он, а «руки по швам» держал Купава.

Началась нормальная жизнь в кроватном цехе. Неизвестно, почему в цехе стало светлей, чище, веселей. И удивительней всего: цех стал выполнять план.

Вскоре синенькую повестку получил приятель Любочкина, начальник кастрюльного цеха.

На прощанье Любочкин наставлял своего приятеля:

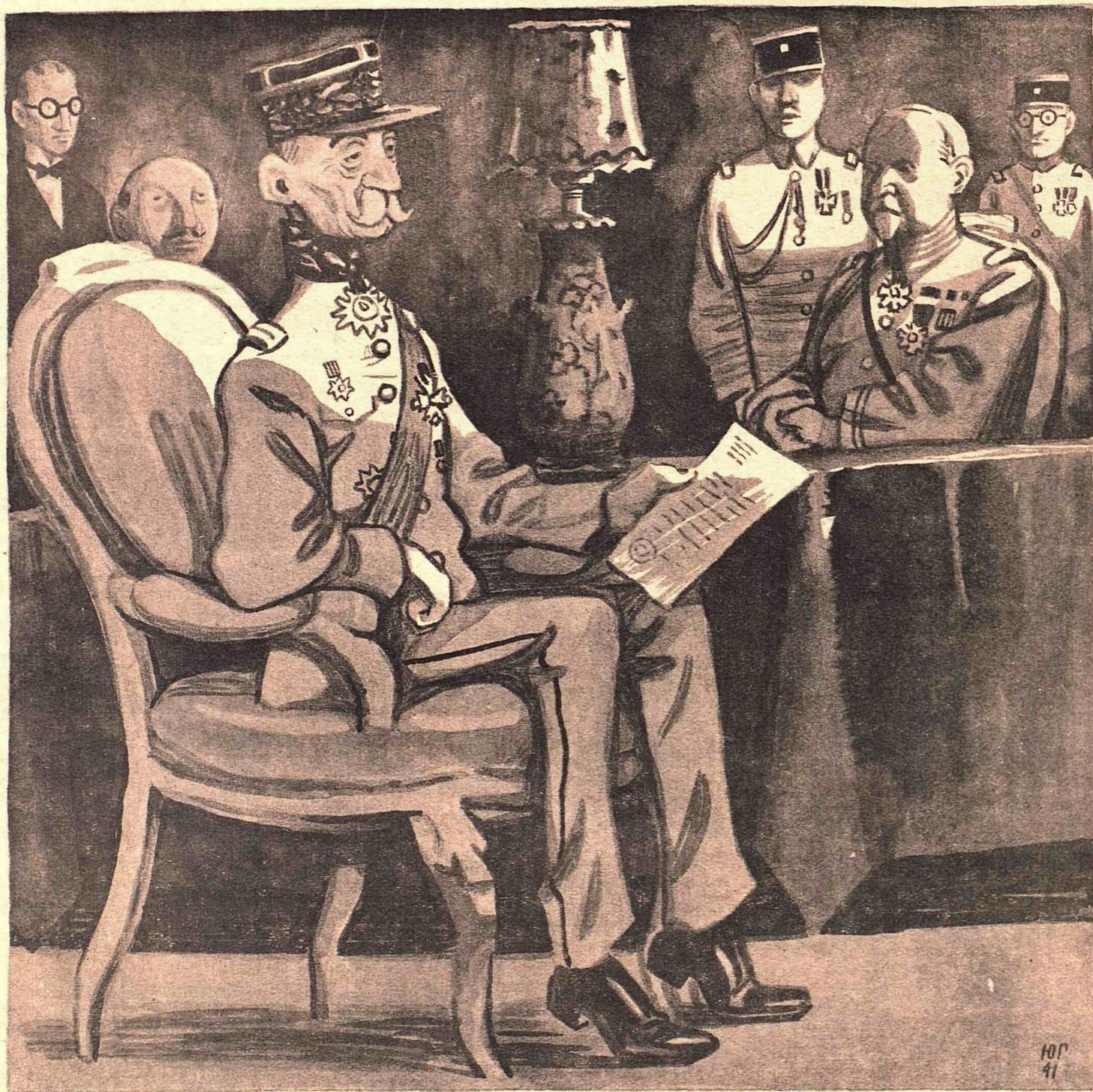
— Ты, наверное, заметил, Саша, что в лагере я посвежел и даже поправился. Я совершенно не жалею, что померз немного на снегу, уверяю тебя, это абсолютно не вредно. Одно советую: как только наденешь гимнастерку с петлицами, так сразу же забудь, что ты начальник цеха, и беспрекословно исполняй все приказания.

Совет был верный и дан от души.

М. ЭДЕЛЬ

Рис. Ю. Ганфа

Ряд французских военнопленных, находясь в лагерях Германии, получил из Франции налоговые повестки.

— Посылайте повестки всем без исключения. Пусть наши герои видят, что отечество помнит о них.

Который час?

В О ЛЬВОВЕ, на углу улицы Мицкевича, стоит старичок в черном, старинной моды пальто, в котелке. В руках у него зонт. Он чему-то весело улыбается и то и дело останавливает прохожих, главным образом командиров. Вот прошел капитан. Старик, сделав сладкую улыбку, обратился к нему:

— Скажите, пожалуйста, который час?

— Без десяти минут восемь.

— Спасибо.

— Пожалуйста, пожалуйста.

Прошла минута. Идет еще один капитан.

— Скажите, пожалуйста, который сейчас будет час?

— Без девяти минут восемь.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Прошла еще минута. Мимо идет младший политрук.

— Не будете ли вы добры сказать, который час?

— К сожалению, часов не имею.

— Извините тогда.

— Пожалуйста.

Проходят минуты, и мимо шагают то капитан, то лейтенант, то майор, то политрук. Старик всех останавливает одним и тем же вопросом. Мне показалось это странным.

— Послушайте, отец, почему вы ежеминутно спрашиваете, который час?

Старик хитро улыбнулся, подошел ко мне, кашлянул для приличия.

— Видите ли, мне очень приятно, что все мне говорят «пожалуйста», — и старик многозначительно поднял указательный палец.

Р. ИЮЛЬСКИЙ

Бойцы вспоминают...

Рыбка по-фински

В МЕНЮ наших ресторанов нет такого блюда. Это новинка. Впервые мы вкусили ее на фронте, в боях против белофиннов.

Однажды нам пришлось форсировать речку. Бойцы наводили понтонный мост. Противник открыл артиллерийский огонь. Снаряды либо далеко перелетали и рвались где-то позади нас либо чаще всего попадали в реку и оглушали рыбу.

Бойцы скоро заметили, что оглушенная рыба всплывает наверх. Когда бой окончился, красноармейцы весело бросились к воде и набрали столько рыбы, что нам хватило ее на несколько вкусных обедов. Мы ели рыбу вареную, жареную и под соусом — все это называлось «рыбка по-фински»...

Как-то к нам на позицию приехал командующий армией.

— Вот, — сказал кто-то из бойцов, — хорошо было бы нашего гостя свежей «рыбкой по-фински» попотчевать. Да белофинны как на зло молчат...

Но вот вражеская артиллерия заговорила. Мы услышали близкие разрывы в воде. Несколько человек разом вскочило.

— Сейчас, — сказал один из них улыбаясь, — сейчас мы вас, товарищи, свежей рыбкой угостим... Дела — две минуты.

Вскоре бойцы вернулись, неся несколько больших рыб...

Но через несколько дней мы перестали лакомиться «рыбкой по-фински». Перестали по причинам, от нас не зависящим: у противника снарядов не хватило.

*Е. БЕЛЯЕВ,
старший лейтенант, орденосец,
слушатель Военно-артиллерийской академии*

Были сборы недолги...

УЗНАВ о приближении красных, пан Жамойла решил бежать в Румынию.

У пана были автомашина, семья, ценности, шофер Стась. Сборы были недолги. Пан погрузил в машину семью, ценности, деньги, а Стасю приказал мчаться к румынской границе.

Шофер пана хорошо знал дорогу. Но все же не мешало предпринять некоторые предосторожности: в дороге сейчас неблагоприятно, могут быть неожиданные встречи... И Стась убедил пана, что лучше затемнить окна машины, чтобы сквозь стекла нельзя было рассмотреть, кто в ней едет, а то неровен час...

Поехали. Прошло часа два. Стась вел машину быстро. Пан и его спутники были спокойны. Вдруг машина остановилась.

— Что-нибудь случилось, Стась? — спросил пан.

— Сидите спокойно! Дорога свободна. Что-то случилось с колесом. Я сейчас подправлю.

Наступила тишина. Потянулись томительные для пана Жамойлы минуты.

А шофер в это время бежал навстречу одной из наших частей, выступавшей из деревни. Найдя командира, он доложил ему, пересыпая польскую речь отдельными русскими словами:

— Товарищи красные командиры и красные бойцы! Прошу принять меня самого и мою машину. А также моего пана Жамойлу, которого я в целости доставил к вам вместе со всем его добром.

*И. СУХАНОВ,
капитан, орденосец, слушатель Военно-артиллерийской академии*

«Язык»

МЫ ДЕЙСТВОВАЛИ в глубоком тылу белофиннов. Чтобы быстрее и лучше выполнить задание командования, решено было добыть «языка». Эта задача была поручена одному из бойцов, смелому, отважному и сильному.

Он отправился в разведку. Вскоре наткнулся на телефонный провод. Это была связь противника. Не раздумывая, наш боец перерезал

его, а сам скрылся за деревьями и стал ждать. Вскоре он увидел финского связиста, который осторожно пробирался к месту аварии.

Наш боец подкрался к нему, оглушил его ударом кулака и потащил в лес, к нашей секретной стоянке.

— Задание выполнено, товарищ лейтенант, — рапортовал боец. — «Язык» добыт. Но только придется маленько обождать, пока он придет в полное чувство.

Белофинн, однако, никак не мог очухаться.

— Придется за другим сходить, — сказал командир. — Но только вы чуточку полегче действуйте. У вас правая рука слишком сильно развита, вы учтите это...

Боец вторично отправился в разведку. Через полчаса он приволок другого белофинна, взятого при тех же обстоятельствах. Но и этого никак не удавалось привести в «полное чувство».

Командир приказал тому же бойцу отправиться за «языком» в третий раз.

С нетерпением мы стали ожидать возвращения товарища. Прошел час. И вот мы, наконец, увидели его. Он опять волок за собой по снегу человека. Пленный был связан.

— Приказание выполнил, — улыбнулся герой командиру и всем нам. — Есть «язык»!.. Живой и целехонкий и даже пальцем не тронут...

*Г. НОВИКОВ,
слушатель Военно-ветеринарной академии*

Старичок

ДЕРЕВНЯ, в которую мы вошли накануне ночью, уже цвела алыми флагами. Рота обедала. Вдруг к нам приблизился старичок. Он молча стал ходить по рядам, пытливо вглядываясь в наши лица, не то с любопытством, не то с испугом.

— Чего вам, старичок? — спросил комиссар полка.

— Хочу побачить живого більшовика... Де він, ви мені його покажіть, будь ласка.

— Ну, вот я большевик, — ответил комиссар, — вот другой, третий... Все мы большевики.

— Ні, — замотал головой наш гость.

Он серьезно поглядел на комиссара.

— Ні, неправда, — сказал старик. — Нема тут більшовиків, жодного нема... Нам паны казали, що у них лише один глаз у лобі, а у вас у кожного по два глаза, як у людей.

Взрывом хохота ответили на это бойцы.

— Рассмеялся тихо и старик. Он ничего не сказал, но, кажется, все-таки поверил нам...

*П. БОГАТЫРЬ,
Герой Советского Союза, старший политрук,
слушатель Военно-политической академии*

Рубаки

ДВИГАЛСЯ взвод наших танков. Навстречу из-за леса вдруг показались эскадрон польских жандармов. В руках у них были обнаженные сабли, а за плечами висели винтовки.

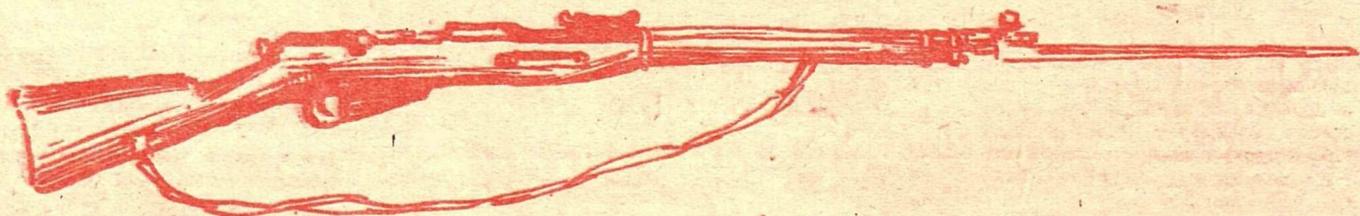
Кавалеристы приближались. Наши машины, не обращая на них внимания, продолжали катиться вперед. Но вот, по приказанию командира, один танк остановился. Поляки немедленно его окружили, и выскочивший вперед офицер смаху рубанул по броне. Клинок, конечно, в куски. Тогда один из жандармов с еще большей силой наносит второй удар. Клинок вдребезги. Подскочил еще один жандарм. Опять клинок в куски. Наконец это нам наскучило. Мы открыли люк, и командир машины, направив на офицера пистолет, сказал:

— Оставьте это дело, господин офицер. У вас на такую рубку шапек не хватит. Зря только на танке краску поцарапали.

Эскадрон был взят в плен. Один из жандармов потом признался:

— А нам офицеры говорили, что у вас не танки, а тракторы, покрытые фанерной «броней»...

*В. МАТУСЕВИЧ,
военветврач 3-го ранга*

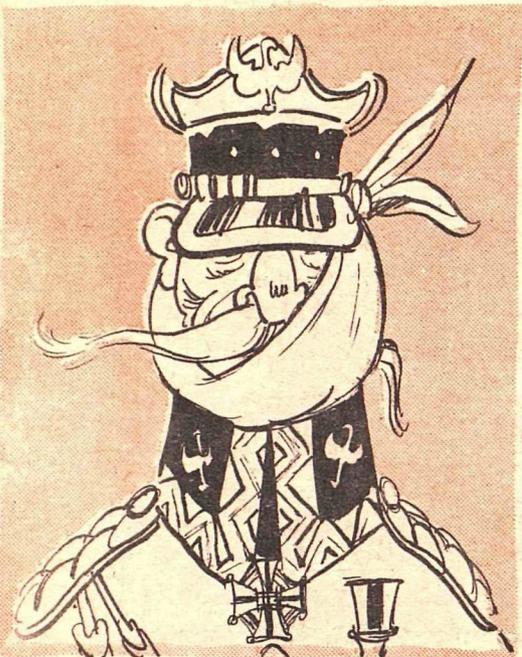
РУССКАЯ ТРЕХЛИНЕЙНАЯ ОБРАЗЦА 1891 ГОДА

От времени износу нет,
Она живет, не унывая.

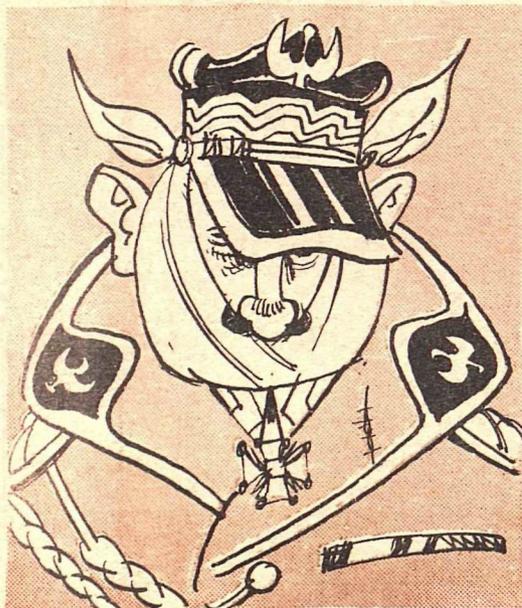
Старушке пять десятков лет,
А — боевая!

БОЕВОЕ ПРОШЛОЕ ПОЛЬСКИХ ГЕНЕРАЛОВ

Рис. Б. Клинка

Генерал от инфантерии — бегал.

Генерал от кавалерии — бегал.

Генерал от артиллерии — бегал.

Рушник

ПАРИЖ, Варшава и Микишки — это Европа. А дальше — к востоку — дикая, непролазная тайга. За Микишками, у пограничного столба с белым орлом, кончается европейская цивилизация.

Так в панских школах обучали детей географии...

27 сентября 1939 года я побывал в этой тощей белорусской деревушке. Десять дней тому назад Микишки считались за границей.

У околицы я встретил парнишку лет десяти. Он, конечно, был с ног до головы одет во все заграничное: огромная фуражка без козырька, рубаха, сшитая из разных цветных лоскутов, штаны с огромными заграничными заплатами, лапти из западноевропейского лыка.

Он внимательно осмотрел меня и деловито спросил:

— Ты кто: красноармеец или рядовой боец?

Я отрекомендовался. А затем спросил его:

— Знаешь, где в вашей деревне живет командир части?

— Старший лейтенант Еремин? Он на квартире у Ганны Олещук.

— Проводи меня, пожалуйста.

— Есть проводить вас, пожалуйста! — отпортовал он совсем по-военному, приложив руку к своей бескозырке...

И вот я в низенькой халупе Ганны Олещук, не по летам живой и разговорчивой старушки. Мой старый друг, лейтенант Еремин, оказался дома. Он только что проснулся.

— Будем умываться, — весело сказал Еремин. — А затем... Кофе пьешь?

— Пью, — ответил я.

— Ах какая жалость! Кофе как раз у меня нет. А чай пьешь?

Зная характер Еремина и его склонность к подвохам, я поспешил сказать:

— Нет, не пью.

— Ах какая жалость! Чай как раз у меня есть.

Мы стали умываться. На стене висели два рушника. Я потянулся к одному из них.

Ничего особенного. Обычное полотенце со скромной вышивкой на концах. Но, заметив мой жест, старушка с ужасом вскрикнула:

— Не трогай, товарищ! Этим рушником не вытираются! Ради бога, не трогай!

Я немедленно отступил.

А уж потом, за чаем, когда старушка куда-то отлучилась, Еремин рассказал мне историю этого неприкосновенного рушника:

— Представь себе: ты проснулся глубокой ночью, и тебе надо идти проверять посты. А в комнате кромешная тьма. Огня не можешь зажечь: здесь спят еще люди, и ты их не хочешь будить. Стараешься тихонько, осторожно, незаметно дойти до двери. Но, как на зло, ты непременно заденешь и опрокинешь стул, смахнешь рукавом кружку со стола. А еще вдобавок чихнешь так неистово и пронзительно, что даже покойник может вскочить и пожелать тебе вдогонку всяческих чертей.

Вот так приблизительно было с нами в тот предзарячный час, когда мы брали польскую пограничную заставу, или, по-ихнему, стражницу. Она стоит вот тут, рядом, за деревней, в сосновом лесочке.

Мы узнали, что в стражнице все повалом спят. Даже часовые. А рано утречком чудесно спится. И сны такие бывают приятные.

Мы решили никого не тревожить. Люди хорошо отдыхают, и было бы прямой бестактностью с нашей стороны будить их. Надо окружить стражницу и взять ее без шума, без единого выстрела, тихо и деликатно.

В небе догорали остатки ночных звезд.

Чуть-чуть светало. Мы шли, затаив дыхание, еле касаясь земли.

Тишина вокруг была такая, какую я никогда в жизни не ощущал. И вдруг что-то взвизнуло и загудело.

Оказалось, кто-то из бойцов наступил на валившийся здесь автомобильный рожок.

Мы тотчас же залегли. Видим, рожок не произвел на стражницу никакого впечатления. Пошли дальше.

Идем. Тишина. Казалось, что даже деревья притаились и не смеют шелохнуться.

«Ку-ка-ре-ку!»... Вот тебе и на! Почти у самой стражницы откуда-то появился огромный петух, который, видимо, решил хвастнуть перед нами своим незаурядным вокалом.

Он повернулся лицом к нам и, эффектно растопырив крылья, стал исполнять свой несложный репертуар, налегая, подлец, на самые низкие ноты.

Мы остановились. И так мы стояли долго лицом к лицу — Н-ская воинская часть и петух из деревни Микишки. Прямо не знали, что делать с этим окаяннм певцом.

А петух, не понимая боевой обстановки, вдохновенно продолжал выводить свое проклятое «ку-ка-ре-ку». Спасибо, боец Остапов догадался. Он подполз ближе к лауреату. А тот так увлекся, что ничего вокруг себя не замечал и замечать не желал. Остапчук держал в руке бичовку с петлей. Ловко замахнувшись этим лассо, он поймал горлопана в петлю. Это была лебединая песня петуха...

— А в стражнице мир и спокойствие. Идем дальше. И опять вокруг небывалая тишина. Приближаемся к стражнице. Вот тут, близко. Вот...

— Ура! Да здравствует Красная Армия!

Даже старые, опытные бойцы вздрогнули от неожиданности.

— Ура! Ура!

Точно из-под земли впереди нас, в двухстах шагах, что ли, выросла махонькая старушка.

Она сняла платок с седой головы, размахивала им и, не помня себя от восторга, кричала:

— Ура! Ура!

Мы делаем всякие знаки старушке. Дескать, молчи, бабуся, ради всего святого.

Куда там! Она все более и более входит в раж и еще зычнее провозглашает:

— Ура! Да здравствует!

Уже потом мы узнали, что у нее сбежал петух. Она кинулась на поиски беглеца. А тут наткнулась на нас. Великая радость ее охватила. И никакой силы не было в мире, чтобы заставить ее замолчать в эти счастливые для нее минуты. Она первая из всей деревни Микишки увидела и приветствовала бойцов Красной Армии!

— Ура! Ура! — кричала она.

Что тут делать? Старушка может испортить всю музыку. К ней подбегает старшина Горовой. Шепчет задыхающимся голосом:

— Молчи, бабуся! Ради бога, замолчи, милая!

Она и слышать не хочет:

— Ура! Ура!

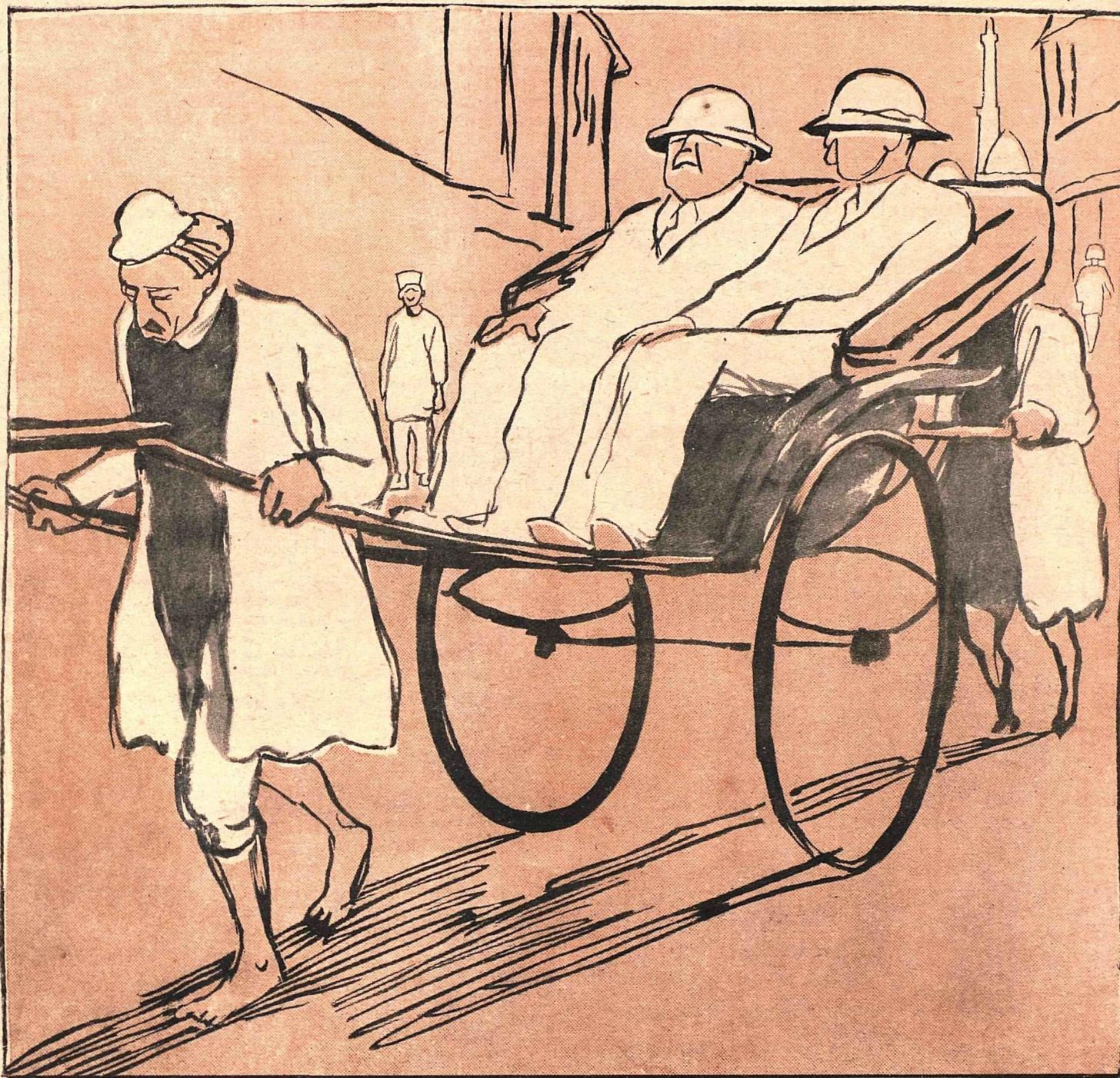
Горовой видит такое дело, выхватывает из сумки полотенце, быстро завязывает рот старушке, сделав позади, на затылке, крепкий двойной узел.

Все обошлось благополучно. Стражи панской границы смотрели на нас сонными глазами и страшно удивлялись...

Мы развязали рот старушке. А полотенце отдали ей на добрую память. И висит оно вот здесь, на этом гвозде, как святая реликвия. А ты по невежеству своему хотел им вытираться... Бойкая старушка, не правда ли?

Тут как раз вошла в избу Ганна Олещук. Еремин лукаво подмигнул мне и заговорил о чем-то другом.

Г. РЫКЛИН

— А хорошо у нас на острове, сэр!
 — Тсс... Это уже полуостров: половину мы вчера отдали
 Соединенным Штатам.

Чортов мост

Столько споров, столько взоров,
 Что не выдержал и взял
 Шляпу старую Суворов
 И сошел с экрана в зал.

Под мелодию романса
 И под джазовый галдеж
 В ожидании сеанса
 Развлекалась молодежь.

Там задористая шутка,
 Там обрывки жарких фраз —
 Все старик подслушал чутко,
 Хоть мешал докучный джаз.

Тема этих разговоров,
 Актуальнейший вопрос —
 Бурнопламенный Суворов
 И «проклятый Чортов мост».

Убежденно и резонно
 Лейтенант заметил вслух:
 — Зря не тратил он патрона,
 Вышибая вражий дух!

Так и я, идя в атаку,
 Меткой пулей сняв посты,
 Обнаглевшего воюку
 Опрокинул с высоты.

И в неравной этой стычке
 Помогли мне неспроста
 По суворовской привычке
 Глазомер и быстрота.

И, слова услышав эти,
 Полководец произнес:
 — Знает парень толк в предмете.
 Это чем не Чортов мост?!

Два бойца под звуки марша
 Говорили в стороне.
 И прислушался фельдмаршал:
 — Что толкуют обо мне?

— С увлечением и умением
 Гнем мы линию свою.
 Тяжело подчас в ученье,
 Но зато легко в бою!

И взвырало ретивое
 В полководце: — Вот так рост!
 Овладеть наукой боя —
 Чем тебе не Чортов мост?!

С гордо поднятой главою
 Знаменитый ветеран
 Рассуждает сам с собою
 По дороге на экран:

— Молодцы, ребята, браво!
 Не шучу, хоть я ворчун.
 Но с такими — войску слава,
 А злодеям — карачун.

Богатырская повадка
 Россиянам ненова.
 В них суворовская хватка
 В новом качестве жива!

Пусть не шутит враг с такими!
 Не попрячутся в кусты,
 И любые будут ими
 Взятые Чортовы мосты!

Мих. ПУСТЫНИН,
 Ал. РОХОВИЧ

ЗАКАЛЯЙСЯ,

Ниночка волнуется.

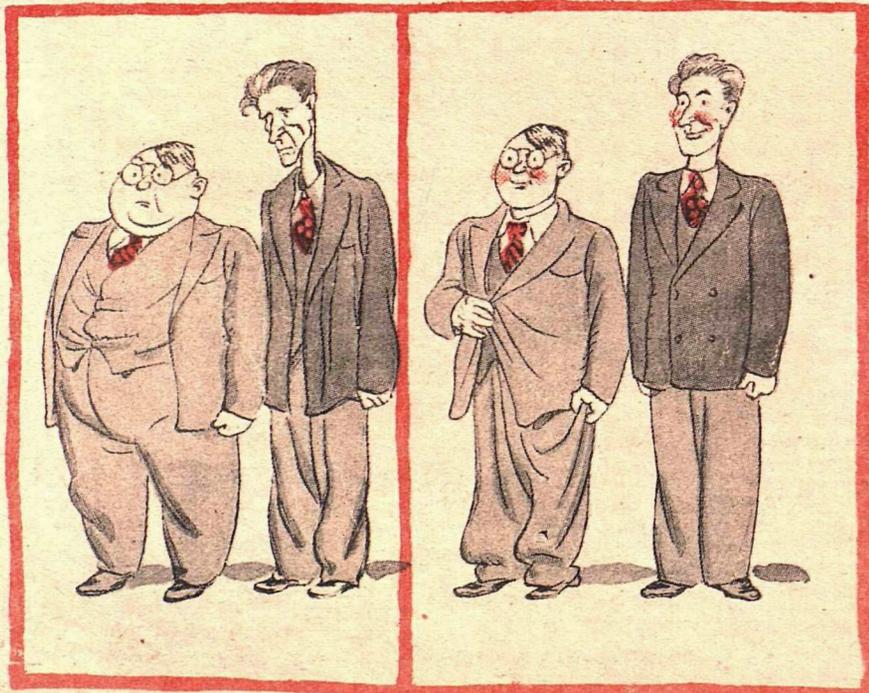
— Почему он стоит как в воду опущенный?
— Его не приняли в подводный флот.

— Как у тебя с попаданием?
— Неровно. В десятку попадаю, а вот в тир никак попасть не могу.

СБОРЫ Н

СЛУЖИЛИ ДВА ТОВАРИЩА. . .

До лагерного сбора.

После.

Рвет

ЧЕЛОВЕК С ХАРА
И

— Зачем ты взял?
— Говорят, там прямо на снегу.

КАК СТАЛЬ!!!

...нный объект.

— Да он совершенно не в спортивной форме!
 — Что ты! На нем шесть спортивных форм.

— Без парашюта?! Ни за что!

...СБОР

...л камин и постель?
 ... придется стрелять лёжа

Оборонная литература гражданина Фуфайкина

и

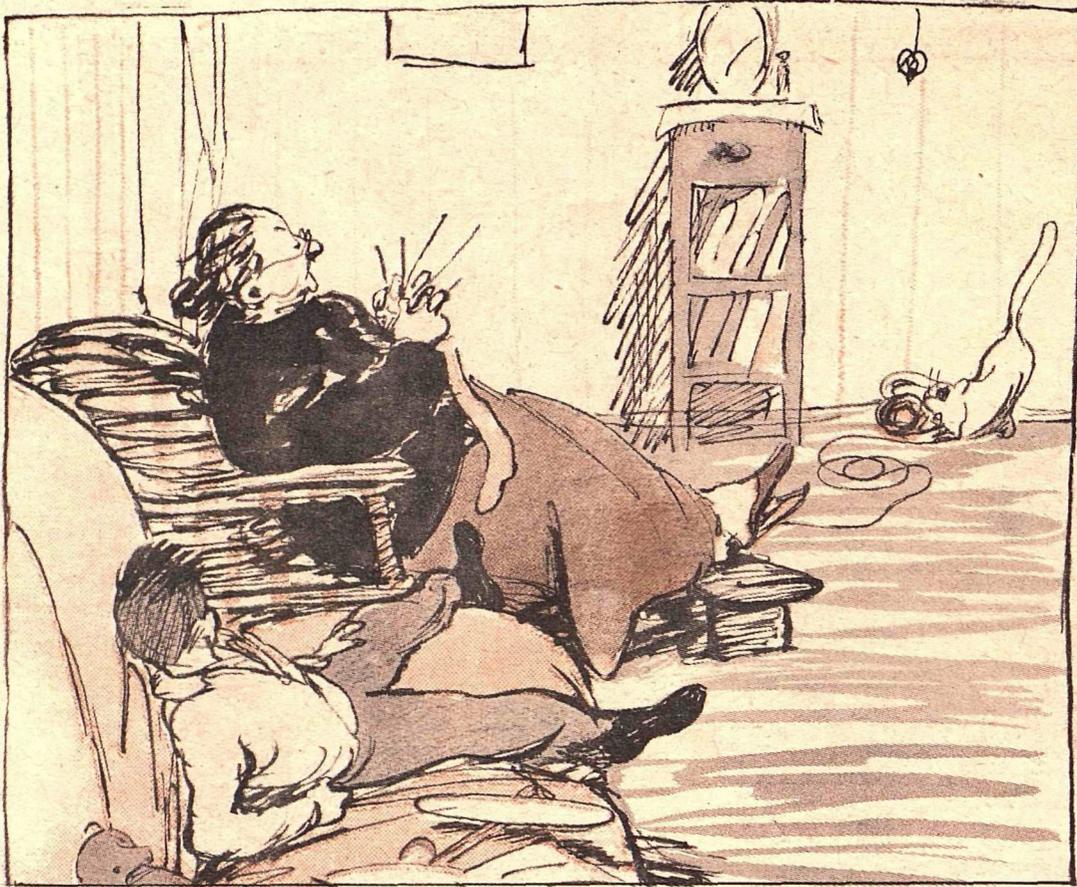
...АКТЕРОМ

...СЧЕТ

его сведения о винтовке

Рис. В. Горяева

— Ну, слушай сказку про ковер-самолет.
— Про какой? Про ковер-истребитель или ковер-бомбардировщик?

Сапоги

Веселей, молоточки, трезвоньте!
Съешьте в уши веселый горох!
На Калыевской, в коопремонте,
Мы работаем до четырех.

По окну и рекламной картинке
Мастерскую нетрудно найти.
Коль у вас захворали ботиночки,
Заходите ко мне по пути...

Предо мной элегантные туфли,
Их потрепанный облик не врет;
Порыжели они и пожухли,
До упаду танцую фокстрот.

Без желания туфли такие
Я беру, чтобы выправить рант,
Но вчера сапоги боевые
Мне принес молодой лейтенант.

На тропинке от слякоти ржавой
Он не в них проверял ли посты?
И лазутчик соседней державы
Убирался обратно в кусты.

Рвали их дождевые потоки,
Обжигала шальная пальба,
Но стояли они на Востоке,
Будто два пограничных столба.

Одыхали в походном жилище,
Где тревогой пропитана мгла.
И не вря поперег голенища
Многодумная складка легла.

Добродушно, нахмурившись
бровью,
Лейтенант говорит: — Помоги.
И, конечно, с особой любовью
Починю я его сапоги!

БОРИС КОВЫНЕВ

Здоровяк Фимушкин

КОГДА Фимушкин утром входит в отдел, в котором работает, румяный, широкоплечий, в шикарной лыжной куртке и полувоенных галтифе, со всех столов к нему несутся приветственные возгласы:

— Фимушкин! Здорово, орел!

— Ох, и здоровяк же ты, Сеня! Товарищи, посмотрите: от него пар идет, как от свежей говядины.

— Небось, уже на катке побывал, Фимушкин?

— Будьте уверены, — гордо заявляет Фимушкин, — встал в семь утра — и прямо на лед. Десять кругов, как одна копейка. Опять форточка позакрывали, черти!

Здоровяк Фимушкин решительно направляется к окну и одним красивым прыжком, словно барс, вскакивает на подоконник.

— Семен Семенович, я, лично, категорически протестую, — дрожащим голосом говорит Агния Витольдовна, старший счетовод, женщина почтенного возраста и хилого телосложения.

— Ничего, Агния Витольдовна, привыкайте. Мы все должны быть спартапцами.

— Я, лично, не обязана быть спартапцем, Семен Семенович. У меня возраст. И хронический флюс притом.

— Когда мы дрались на Халхин-Голе, мы плевали на хронический флюс.

— Вы, лично, не дрались на Халхин-Голе, Семен Семенович. Вы тогда были в доме отдыха. Я хорошо помню. Я, лично, вам выписывала отпускные.

— Я говорю «мы» в смысле мы — закаленные бойцы... Короче говоря, я ставлю вопрос на голосование. Товарищи, кто против того, чтобы закалять себя к будущим битвам?.. Никого? Одна Агния Витольдовна.

— Я не против, — волнуется Агния Витольдовна, — но поскольку мой, лично, стол как раз напротив форточки...

— Не замазывают! — Сеня Фимушкин с треском отдирает примерзшую форточку.

Но как только дверь за Фимушкиным закрывается, Агния Витольдовна, воровато озираясь и кряхтя, взбирается на стул, а со сту-

ла на подоконник и с молчаливого одобрения спартапцев захлопывает форточку.

А здоровяк Фимушкин в это время уговаривает «встать на лыжи» престарелого гардеробщика Ивана Лукича.

— Ты пойми, Лукич, — убеждает гардеробщика Фимушкин. — Пошлют тебя, скажем, в разведку. А ты на лыжах ни туда и ни сюда.

— Пожалуй, что не пошлют меня, товарищ Фимушкин. Года не те.

— Сам пойдешь!

— Я бы всей душой, да ведь ноги плохо ходят, товарищ Фимушкин.

— Закаляться надо, Лукич, закаляться. Бери пример с меня. В восемь утра я уже на льду. Спартапцы, они всегда так делали. Знаешь Спарту?

— Во всяких служил учреждениях, товарищ Фимушкин, а в этом... в Спарте... не приходилось.

— Чудак! Это народ такой — спартапцы. Это древние греки, Лукич. Во, парни были! На большой! Один к одному, как ягодки! Встанет такой спартапек на лыжи, да как дунет, красота! Становись и ты на лыжи, Лукич! Я про тебя в газету напишу.

— Похлопотал бы лучше, товарищ Фимушкин, чтобы мне валенки выдали.

Здоровяк Фимушкин с презрением смотрит на Лукича, но тут его окликают:

— Фимушкин! Сеня!

На лестнице стоит комсомолка Аня Парамонова из общего отдела и улыбается, как солнце.

— Что ты здесь делаешь, Сеня? В рабочее время?

— Здорово, Анька. Да вот, понимаешь, оборонную работу провожу среди этого хрыча. Тугой материалец!

— Кстати, об оборонной работе. Сегодня ночью военный поход. Вся молодежь нашего района идет. Страшно интересно. С винтовками идем, в темноте, по пересеченной местности. А мороз отчаянный. Брр!.. Страшно интересно!

— Как? Пешком?

— На лыжах, конечно!

— А транспорт будет?

— Зачем же транспорт?

— Ну, палатки, везти, грелки, одеяла. Потом, может, кто-нибудь захочет посидеть, отдохнуть.

— Никаких палаток и никаких грелок, Сеня. Налегке гораздо интереснее. Что с тобой? Ты как будто недоволен?

— Нет... Ничего. Нездоровится что-то... Гриппозное состояние... Придется в поликлинику заглянуть...

Выслушав Фимушкина, врач снял очки, протер их носовым платком и сказал добродушно:

— Ничего утешительного, молодой человек. Вы здоровы, как юный спартапек.

— Что вы говорите, доктор... — простонал Фимушкин.

— Когда я ем, доктор, у меня вот здесь хрустит, за правым ухом. И в коленку отдаёт, в левую.

— Гм... Что же это такое у вас? Не санус ли?

— Он, он. Я был у профессора одного, он так мне и сказал: у вас, говорит, санус с осложнениями. Это опасно, доктор?

— Брысь, отсюда! — вдруг сказал доктор, надевая очки. — Санус по-латыни значит здоров, молодой человек.

Когда на следующее утро Сеня Фимушкин вошел в отдел, все уже знали и про его визит к доктору и про то, что он не пошел в ночной военный поход.

— Здорово, спартапцы! — криво улыбаясь сказал здоровяк Фимушкин.

Спартапцы молчали.

— Опять форточка не открыта?

Фимушкин сделал красивый прыжок, но сзади его схватил за штаны бухгалтер Петр Никодимович и в один миг стащил с подоконника.

— На место! — грозно сказал бухгалтер. — Садись и работай, су... спартапский сын!

Здоровяк Фимушкин покорно сел за свой стол и, втянув голову в плечи, лихорадочно защелкал на счетах.

Леонид ЛЕНЧ

АГЕНТСТВО ОФИ: — Не убивайтесь, мадам! Нам с вами еще работать и работать!

В бане

«Биржа труда»

МЫ ТОЛЬКО что вышли из боя. Противник был выбит из позиции, которой нам приказано было овладеть.

Через час — два, оборудовав походную баню, мы с удовольствием стали в ней мыться.

Нас было двадцать человек. В этот час на нашем вооружении состояли единственно мочалки да мыло. И вот представьте себе такую картину: двери в баню вдруг широко распахиваются; разгоряченные и намыленные, мы видим перед собой огромного роста финского солдата с винтовкой в руках.

Откровенно говоря, мы несколько растерялись.

Но незнакомец спокойно сказал:

— Здравствуйте! Я рабочий...

Винтовка отлетела в угол. Человек сбросил с плеч свою шинель. Он пожал несколько из нас руку и сказал:

— Угостите банькой. Давно не приходилось.

Нам не жалко было принять в компанию еще одного человека. Но прежде всего следовало выяснить, что за человек перед нами и какую баню нужно ему устроить.

Скоро все объяснилось. Оказалось, что этот солдат — финский рабочий, насильно мобилизованный, несколько дней прятался от своих и все искал случая, чтоб перейти на нашу сторону.

Н. КОШЕЛЕВ,

старший политрук, слушатель Военно-политической академии имени Ленина

МЫ ЗАНЯЛИ деревушку. Она была безлюдна. Ни одного вражеского солдата, ни одного жителя. Люди были угнаны.

Группа бойцов донесла, что на одном дворе ими открыт погреб, а в погребке найден клад: большой запас картофеля.

Как раз наши повара готовили ужин. Картошка была как нельзя кстати. И вот несколько человек, запасшись ведрами, спустилось в погреб. Они набрали картофеля и собирались уходить. Вдруг один из бойцов заметил, что из-под картофельной кучи торчат ноги...

Незнакомка — старая женщина — вылезла на свет божий и неплохо объяснила по-русски, что спряталась в картошке, так как не хотела уходить вместе с белофиннами.

Утром бойцы опять спустились в погреб. И снова один из них, загребая из кучи картошку, обнаружил под ней человека. Это была совсем молодая женщина. Она объяснила то же, что и старуха.

В деревню через день прибыл наш госпиталь. Обе женщины с радостью пошли туда работать санитарками. Не хватало еще уборщицы. И главврач обратился к нашему командиру:

— Может, у вас и уборщица найдется?

— Боец Иванов, — сказал командир, пряча улыбку в усы, — ну-ка, сходите на нашу «биржу труда», в погреб, может, под картошкой еще кто-нибудь отыщется...

Но на этот раз, однако, поиски ничего не дали.

— Чистая картошка, — доложил, возвратившись, боец, — чистая картошка, без примесей.

Е. БЕЛЯЕВ,

старший лейтенант, орденноносец, слушатель Военно-артиллерийской академии

Вовочка на войне

ДИАГРАММА РОСТА...

УДВЕРИ квартиры, в которой живет семейство Титушиных, я звонил долго. Открыли мне соседи. Поблагодарив, я спросил:

— Титушины дома?
— Дома. Все в сборе.
— Что ж они не открывают двери?
— Ну, дело такое, знаете: Вовочка кормится...

Я вошел в одну из комнат, занимаемых семейством Титушиных. За обеденным столом сидел их старший сын Вова — парень лет пятнадцати. Он обедал. Точнее надо было бы сказать так: он вкушал обед.

— Опять рисовый суп! — ворчал Вова. — Неужели нельзя ничего другого придумать?!

Гражданка Титушина — то есть родительница этого самого Вовы — с интонацией театральной искренности, положив руки на грудь, говорила:

— Что ты говоришь, Вовочка? Рисового супа у нас не было две недели!

— Не знаю, не знаю. Надоел мне ваш рис хуже горькой редьки... Кстати, почему вы редьки не покупаете? Все едят редьку, а я только завидую...

— Пожалуйста, Вовочка, купим тебе редьку.

— «Купим, купим!» Всегда ты так говоришь, а ничего не покупаешь. Танька, принеси соли! Восьмилетняя Таня, взметнув косичкой, бросилась за солью.

В ожидании соли Вова откинулся на спинку стула и стал рассматривать комнату. Ленивый взгляд его обнаружил собственного отца — гражданина Титушина, который в уголку, на маленьком столике, колдовал над книжкой и тетрадкой. Папаша, Титушин поминутно, вздев глаза к потолку, бормотал что-то и плохо очиненным карандашом чиркал по тетрадке.

— Ну, что у тебя получается?! — крикнул Вова. — Папа, я тебе говорю!

— Сейчас, сейчас, Вовочка, — Титушин забормотал громче, — значит, можем ли мы узнать объем сей пирамиды, если мы знаем, чему равна гипотенуза ее основания и чему равен перпендикуляр, опущенный из точки вершины...

Вова сердито передернул плечами.

— А-а!.. Я думал, ты что-нибудь умеешь делать, а ты, оказывается, даже геометрии не знаешь... Ну, что ты мне суешь? Что ты суешь, я тебя спрашиваю?

Последние слова относились уже к мамаше, которая, действительно, поднесла любимому чаду тарелку с оладьями.

— Оладышки. Твои любимые оладышки, Вовочка.

— Во-первых, не любимые, а во-вторых, холодных оладий не ем.

— Какие же они холодные? Ты пощупай.

— Ну, что это, ну, что это, ну, что это? — уныло затынул Вова. — Прямо как назло все, ну, назло, назло...

На сцену появилась еще и бабушка Титушиных, привлеченная, очевидно, этим канючением:

— Что ты говоришь, Вовочка? Тебе, может, вареньица?

— Ну, дайте уж вареньица, все равно...

Все изложенное произошло раньше, нежели Титушины заметили меня. Вернее: раньше, чем я обратил на себя внимание, сказавши:

— Здравствуйте, товарищи! Что у вас тут происходит?

Каюсь, я добавил еще бодрым тоном:

— Батюшки, какой молодец у вас вырос! Неужели это ваш Вова?

— Нащ Вова, — с гордостью сказала мать. — И вот тут-то я, как на экране, увидел такую картину.

Несколько подросший и возмужавший Вовочка, уже в красноармейской форме, лежит подле пулемета. Металлический шлем красноармейца надет у него набекрень. Он потеет, чертыхается, и на лице у него выражение полного недовольства. Рядом с ним, тяжело опустившись на колени, стоит его собственная бабушка, которая держит зонтик, а Вовочка командует:

— Бабушка, вы или не держите зонтик или, уж если держите, то держите, чтобы солнце не могло припечь ни меня, ни пулемет: невозможно же хвататься за горячее оружие...

— Не хватает зонтика, Вовочка, на тебя и на пулемет сразу не хватает...

— Значит, два зонтика нужно держать! Папа! Долго ты будешь делать расчеты? Должен я знать, куда мне стрелять, или нет?

— Сейчас, сейчас, Вовочка, — тупо повторяет папа, который, сложивши по-восточному ноги, сидит под ближайшим кусточком и плохо очиненным карандашом пишет в тетрадке, лежащей у него на коленях.

— Эй-богу, пока вы сделаете простой расчет, любой неприятель от вас скроется...

А тут и мама приблизилась к Вове. Она сует дорогомому сыну оладьи, приговаривая:

— Вовочка, ну с'ешь пару оладышек. Еще успеешь навоеваться.

— Не желаю! Не люблю я этих ваших оладий...

— Ну, что можно сделать, Вовочка, в условиях походной жизни, где нет духовки? Я же не могу тебе сделать на дрожжах настоящее тесто на этом примусе...

И мама показывает рукой на примус, стоящий поодаль. Около примуса кулечки с мукой, сахаром и прочие продукты.

Но Вовочка неумолим: он отталкивает материнскую руку, оборачивает голову к сестренке и говорит:

— Танька, сейчас же беги к начальнику взвода и скажи ему, что из нечищенного пулемета я стрелять отказываюсь. Пусть они его сперва разберут, почистят, потом соберут, а потом уж я, так и быть, пушу очередь — дру-гую...

— Хорошо, Вовочка, — покорно отвечает Таня и убегает в лесок, находящийся недалеко...

Немедленно вслед за тем, как в голове моей возникла эта причудливая картина, появилась и мысль о том, что в Красной Армии ничего подобного не произойдет. Наоборот, в Красной Армии Вовочке покажут, каким должен быть молодой человек в Советском Союзе. Вовочку научат. Подтянут этого Вовочку.

Но обаяно ли командование Красной Армии брать на себя еще и вот эти хлопоты: по выделыванию из Вовочек настоящих бойцов? Не лучше ли и для Красной Армии и для Вовочки, если эту работу возьмут на себя папа с мамой и с бабушкой?

В. АРДОВ

Рис. В. Васильева

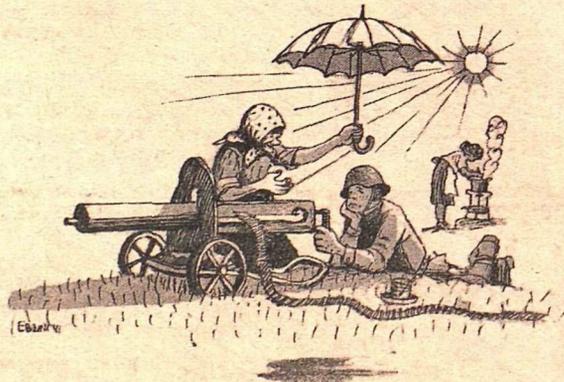

Рис. Евгана

... непроизводительности труда.

— В истекшем квартале я добился для завода экономии в тридцать тысяч: отказался от кабинета карельской березы.

Парад бессмертных

Посвящается Ф. Князеву, редактору журнала «Литературный современник».

МУКИ БЕССОННИЦЫ

Поэт Всеволод Рождественский занемог. Он страдает бессонницей.

Мне не спится под луной морозной,— откровенно признается он в стихах, напечатанных в «Литературном современнике» (№ 12 за 1940 год).

Снева подушка моя горяча.

Рад бы заснуть, да не спится,— сетует он в другом стихотворении, напечатанном по соседству.

Страшная штука — бессонница! Смотрите, что делается с человеком:

1. Душит меня, разрывает мне грудь
Пиршество мрака и света.

2. В уши (!) немолчно цикады стучат.

Что с вами, товарищ Рождественский? От бессонницы лечиться надо.

ПЕРЕПЛЕТ

В том же номере журнала Инн. Оксенов поместил рецензию на новый однотомник В. В. Маяковского. Он пишет:

«Новый однотомник приятно держать в руках. В его оформлении достигнуты

простота и нарядность, найден стиль, соответствующий творчеству Маяковского».

Кажется, ясно?

Ан нет:

«Как досадную неудачу надо отметить профиль на переплете книги, не передающий ни внешних черт облика, ни духа поэта».

Вот и разберись: приятно или неприятно «держать в руках» однотомник, оформление которого и «соответствует творчеству Маяковского» и в то же время не передает «духа поэта»?

Или, может быть, переплет книги не имеет отношения к оформлению?

Сложный переплет!

ПЯТЕРНЯ И ВИЦМУНДИР

В повести П. Евстафьева «Испытание» (№ 12 за 1940 год) есть удивительные фразы. Например:

«И живет этот человек в Гавани, в мелком домишке с женой и пятерней детей».

Просто и мило! Все же, для большей точности, следовало бы сказать: «с кистью детей» или «с кулаком детей». Чего там стесняться!

Дальше автор пишет:

«Каждое утро, ударя себя в грудь рыжего вицмундира»
и т. д.

Еще более мило! Все же для большей точности следовало бы добавить: «ударя себя по кивоту вицмундира» или «ударя себя подложечку вицмундира».

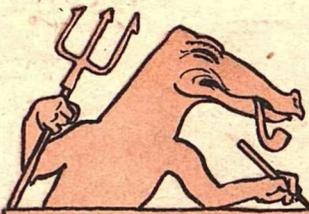
Повесть справедливо названа «Испытанием». Испытанием читательского терпения!

ЗОЯ КАБУЛЬ

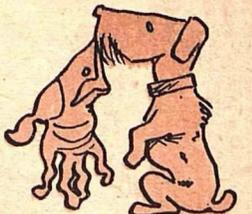
Р. С. Как заметил читатель, все эти примеры взяты из ленинградского журнала «Литературный современник».

Примерный журнал!

З. К.

Есть находки

ПОЭТ В АВТОБУСЕ

Рис. К. Елисеева

— Что, до Маяковского еще далеко?
— Вам — да.

ЭПИГРАММЫ НА ПОЭТА NN

Мой друг! Оказия такая
Могла с тобой случиться
Ты, много лет стихи
Не знал, что прозой
говоришь.

НА «БРОНЕПОЕЗД» В.С. ИВАНОВА

Пусть его было бы
кстати,
Уж поезду время пойти.
Не слишком ли долго он
в МХАТе
Стоит на запасном
пути?..

Рис. В. Васильева

— А почему с вами нет папаш?
— Он еще летом наострил лыжи.

БАЛЛАДА О ПОЭТЕ, НАРУШИВШЕМ ДОГОВОР, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ С ИЗДАТЕЛЬСТВОМ

Поэт читал письмо:
«Вы слова не сдержали.
Пошлем мы дело в суд.
Отныне мы враги!»
Рояль был весь раскрыт,
и струны в нем дрожали
При мысли, что его
опишут за долги.

ПО ТЕЛЕФОНУ

— Да, да... Вчера с Мирон Семеновичем была в Большом. У него новый костюм — обалдеть можно! Да, опера... Забыла, как называется... Декорации — обалдеть можно! Наднях пойдем на «Мадам Бовари», тоже, говорят, обалдеть можно. А потом на «Школу злословия» — это так себе, обалдеть нельзя. Но почему разок не смотаться?.. Ну, пока... Звякай.

ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

Вспоминаю, как в бреду:
Это Финн или Сарду?
И в итоге — нечто вроде
Во Сарду ли в огороде.

КТО КАК НАЗЫВАЕТ ВОДУ

Химик говорит: аш два о;
доктор — аква, буфетчик — суп.

ФАУСТ В ПРОДМАГЕ

МАРГАРИТА. — Вон продавец расцвел в улыбку ясной...
ФАУСТ. — Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!

ПОДХОДЯЩИЙ ЗАГОЛОВОК

Передовая в стенной газете
грязелечебницы озаглавлена:
«Не ударим лицом в грязь,
товарищи!».

ТЕАТРАЛ

Подвыпивший командировочный у театральной кассы:

— Билет на «Три сестры».
— Все проданы.
— Ну, дайте хотя бы на две.

ДВА «ПОЧЕМУ»

— Почему вы продаете топоры и пилы без ручек?
— Нет дерева.
— А почему вы его не заготовили?
— Нечем: топоры и пилы без ручек.

Рис. Д. Дубинского

— Да у вас же крахмальное от некрахмального не отличить!
— Как не отличить: некрахмальное — рваное, а крахмальное — ломаное.

ОТВЕТЫ НА ЗАПИСКИ

НАС СПРАШИВАЮТ. Какое средство нужно применить для того, чтобы лицо бреющегося во время бритья не обрастало тут же волосами?

ОТВЕЧАЕМ. Не пользоваться кистями для бритья, выпускаемыми серпуховской артелью «10 лет промкооперации». От соприкосновения с горячей водой эти кисти расплываются. Ваша ошибка состоит в том, что вы проводите означенной кистью по лицу. Это неосмотрительно.

НАС СПРАШИВАЮТ. Чем объяснить, что купленная мною заводная игрушка испортилась после первого же завода?

ОТВЕЧАЕМ. Это объясняется неосторожным обращением с заводной игрушкой: вы ее заводили!

НАС СПРАШИВАЮТ. Что означает объявление, напечатанное в газете: «Театр срочно покупает гарнитуры мебели рококо, старинные шелковые платья, страусовые перья, кринолины, фижмы и жабо»?

ОТВЕЧАЕМ. Все ясно: театр опять не будет ставить современную пьесу.

Рис. Г. Валька

— Ужасно! Почему в клубах нет джазоубежища?

В АРТЕЛИ

— Ты нашим клеєм на бутылочки с клеєм этикетки не клей.
— А что?
— А то, как подсохнут, — отвалятся, и покупатели не будут знать, что это клей нашей марки.

Рис. Е. Водерникова

— Скажите, доктор, а это лекарство дорогое?
— Дорогое, но вы не беспокойтесь: ни в одной аптеке вы его не получите.

МИМОХОДОМ

С ПЕТУШИНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Петух язвительно взглянул на самолет:
— Летает высоко, зато он не поет!

КАРТИНА

В квартире — полотно ван Дейка,
За полотном — клопов семейка.

АВТОРУ НЕОКОНЧЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

От почитателей летят гонцы
И просят автора: отдай концы!

В АЛЬБОМ 2-МУ ГОСЧАСЗАВОДУ

Солнце всходит и заходит,
А часы мои не ходят.

ПОДАРОК

В кондитерскую входит широкоплечий розовощекий молодой человек:

— Можно заказать торт?
— Пожалуйста.
— Хочу, чтоб шоколадными буквами было написано: «Дорогому Вовочке». Вот такими буквами.

Он взял лист бумаги и старательно начертил: «Дорогому Вовочке».

— Будет сделано. Завтра к часу дня.

Он пришел назавтра ровно в час дня. Ему показали торт.

— Очень хорошо, — сказал он, — но мне бы еще хотелось, чтобы слова «Дорогому Вовочке» были взяты в рамочку из розового крема.

— Можно. Зайдите через полчаса — будет готово.

Он зашел через полчаса.

— Очень хорошо, — сказал он, — но я бы хотел, чтоб вот тут, сбоку, возле рамочки, были две розочки из белого крема. Очень эффектно.

— Можно. Зайдите через полчаса.

Он зашел через полчаса. Все было сделано, как он просил.

— Вам упаковать в картонку или коробку?

— Не беспокойтесь, — сказал молодой человек. — Я его сейчас здесь съем.

ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ

Твой голос воет
в тишине,
И в страхе все бегут
кругом.
Не пой, красавица,
при мне,
А пой при ком-нибудь
другом!

Таланты и поклонники

Иллюстрации И. Семенова

Страшный сон

РЕЖИССЕРУ Федору Николаевичу Каверину приснился страшный сон.

Будто он совсем не режиссер, не заслуженный артист, а малень-

Режиссеру Федору Николаевичу Каверину приснился страшный сон.

кий школьник, ожидающий в классе прихода строгого учителя.

И вот учитель входит. Сразу воцаряется тишина. И только на парте Московского театра Моссовета продолжается какая-то возня...

— Что это за шум? — строго спрашивает учитель, смотря поверх очков. — Это ты, Завадский Юрий? Со скамьи поднимается тонкая фигура:

— Это не я, Александр Васильевич!.. Честное слово, не я!.. Это меня Любимов-Ланской ущипнул!..

Тогда быстро вскакивает второй ученик:

— Врет он, Александр Васильевич!.. Все врет!.. Я его не щипал!.. Он меня первый толкнул!.. Вот даже на «Фландрию» чернила пролил!..

Учитель недовольно стучит карандашом:

— Тише, дети, тише... Имейте в виду, если вы будете так себя вести и дальше, я расскажу вас по разным теа... по разным партам... Тебе что, Судаков Илья?..

— Александр Васильевич, Таиров у меня репертуар списывает... Я ставлю в Малом «Анну Лучинину» Тренева, и он ставит в Камерном «Анну Лучинину»...

— Таиров, не списывай репертуар... Надо самому работать, а

не к товарищам в портфель подглядывать!..

Наведя кое-как порядок, учитель откладывает журнал и, подойдя к передней парте, обращается ко всему классу:

— Сегодня, ребята, 23 февраля, День нашей Красной Армии, праздник вооруженных сил Советского Союза... Вам на сегодня был задан урок... Сейчас я хочу проверить, что вы приготовили ко Дню Красной Армии!..

Учитель остановился и в упор посмотрел на нашего спящего режиссера. У того все захолодело внутри. Он вспомнил, что абсолютно ничего не приготовил. Все собирался, собирался, да так и не собрался.

Но молния, слава богу, ударила не в его парту.

— Шлепянов Илья! — вызвал учитель.

Художественный руководитель Московского театра Ленсовета неохотно подошел к доске.

— Скажи, Шлепянов Илья, что ты приготовил ко Дню Красной Армии?

Ученик посмотрел на класс, потом на потолок, потом в окно, потом снова на класс. Помощи ждать было неоткуда:

— Я, Александр Васильевич, ко Дню Красной Армии приготовил «Дворянское гнездо»...

В классе ехидно захихикали. Громче всех хихикал маленький черненький мальчик, в котором наш спящий режиссер без труда узнал вахтанговского художника Рубена Николаевича Симонова.

«Ему хорошо смеяться, — с завистью подумал Каверин, даже ворочаясь во сне от негодования, — когда у него за спиной «Фельдмаршал Кутузов» с Бородинским боем, Багратионом, французскими маршалами и охлоквскими хоралами!..»

Между тем учитель остался очень недоволен шлепяновским ответом:

— Стыдно, Шлепянов... Такой большой мальчик, заслуженный артист, а обманываешь педагога... Какое отношение к Красной Армии имеет твоё «Дворянское гнездо»?

— Это не мое, Александр Васильевич, это тургеневское!..

— Все равно!.. Ты бы еще тургеневское «Дворянское гнездо» приготовил к Международному юношескому дню!..

Несчастный школьник в тоскливом предчувствии «неуда» робко запротестовал:

— А почему нельзя, Александр

Васильевич?.. Ведь главная героиня, Лиза Калитина, — очень молоденькая девушка, миловидного возраста!..

Учитель саркастически усмехнулся:

— Ну, по вашему спектаклю не видать, чтобы она была миловидного возраста!.. Я весь первый акт не мог разобрать, где Лиза, а где ее тетенька!.. Хорошо, что одна из этих пожилых дам запрыгала

— Я, Александр Васильевич, ко Дню Красной Армии приготовил «Дворянское гнездо».

ла, как козленок, и я понял, что она Лиза!..

Неловкая, томительная пауза.

— Ну-с, молодой человек, что вы еще приготовили ко Дню Красной Армии?

Глаза Шлепянова наполнились слезами:

— «Ма... ма... рию... Стю... тю... тью... арт»...

Учитель раскрыл журнал:

— Нехорошо, молодой человек, нехорошо!.. Приготовить ко Дню Красной Армии католическую королеву, которой совершенно справедливо отрубили голову... Садитесь!.. Неуд!..

И бедный художник понуро ползл на свое место.

Все замерли. Собственно говоря, кроме уже упомянутого Симонова и Алексея Дмитриевича Попова из Театра Красной Армии, у которого в активе имелся свой фельдмаршал, все прочие художники урока не приготовили.

Судаков мучительно раздумывал, тщетно стараясь припомнить, чем из репертуара Малого театра или филлала он мог бы козырнуть в случае вызова к доске, а Берсенева даже не старался припомнить: ни «Живой труп», ни «Валенсианская вдова», ни «Сне-

гурочка», ни «Нора» никак не могли быть приспособлены к славной дате 23 февраля!..

— Каверин Федор, пожалуйста к доске!..

Спящий режиссер попытался проснуться, но ничего не вышло. Он медленно выполз из-за парты, медленно отправил блузу, медленно двинулся по направлению к доске!..

— Что вы приготовили ко Дню Красной Армии?

— «Ночь ошибок» Оливера Гольдсмита, Александр Васильевич!..

— Очень хорошо!.. Но не скромничайте, Каверин Федор!.. Что вы еще приготовили?

— «Марию Тюдор», «Исторический замок», «Кино-роман» и «Мирные люди»!..

Учитель взял в руки журнал:

— Я вижу, у вас не «Ночь ошибок», а сезон ошибок!.. Извольте сейчас же собрать свой реперт... свои книжки и отправляться домой!..

Каверин захныкал, стараясь припомнить весь гимназический запас способов разжалобить учителя:

Судаков мучительно раздумывал!..

— Я старался, Александр Васильевич!.. Честное слово, старался!.. Я больше не буду, Александр Васильевич!.. Я уже ставлю «Мстислава Удалого»!.. Александр Васильевич!..

Неизвестно, чем окончилась бы эта сцена, если бы звонивший телефон не разбудил спящего режиссера. Он вскочил, увидел зимнее утро, газеты на столе, пакет приглашений из Дома актера и радостно ощутил, что все описанное выше ему лишь примерещилось в кошмарном сне.

Евг. БЕРМОНТ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 3 до 7 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 20 к. в месяц. Изд-во „Правда“.

А 35463 Москва. Изд. № 194

Подписано к печати 18.II 1941 г.

Статформат 72x105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 560. Тираж 271 000 экз.

КЛАССИЧЕСКИЙ ПРИМЕР

Рис. Л. Генча

— Вот видите, я и в Академии твержу и дома последний раз повторяю: тактические занятия надо переносить в поле.